

Блестящий мистический триллер в лучших традициях Стивена Kinga, написанный певцом и композитором Алексеем Чумаковым. Это первая, но очень серьезная работа, открывающая читателям новый талант уже известного вам человека, в котором вы убедитесь сами, прочитав эту книгу.

АЛЕКСЕЙ ЧУМАКОВ

В ПОИСКАХ
ПРИЗРАКОВ

Алексей Чумаков

В поисках призраков

«АСТ»

2015

Чумаков А. Н.

В поисках призраков / А. Н. Чумаков — «АСТ», 2015

Что делает обнаженная девушка в лютый мороз на кладбище автомобилей? Почему люди постоянно погибают на одном и том же участке шоссе? Чем объяснить паранормальные явления в заброшенном доме? Ответы на эти и другие вопросы ищут создатели популярной программы «В поисках призраков». Съёмочная группа изобретает новые и новые трюки, чтобы привлечь внимание зрителей. Однако вскоре им самим предстоит испытать настоящий, чудовищный и смертельно опасный Ужас... Блестящий мистический триллер в лучших традициях Стивена Кинга, написанный певцом и композитором Алексеем Чумаковым. Это первая, но очень серьёзная работа, открывающая читателям новый талант уже известного вам человека, в котором вы убедитесь сами, прочитав эту книгу.

© Чумаков А. Н., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Глава 1. Начало	6
Ты где?	6
Неплохой сюжет	11
Картошка с грибами	15
Доля – двадцать шесть	18
На безрыбье...	24
Один	33
Право на выбор	35
Глава 2. Дорога	38
В семье не без уroda	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алексей Чумаков

В поисках призраков

© Чумаков А. Н.

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1. Начало

Ты где?

Автостоянка для машин, подлежащих утилизации, была засыпана снегом. Горы железа и до неузнаваемости искореженных авто грузно возвышались над узкими проходами. Все это напоминало муравьиные тропы. Снег заметал редкие следы охранников, изредка проверявших территорию, и словно шапкой покрывал крыши заброшенных автомобилей, врываясь в выбитые окна, оседая на рваных креслах и изуродованных панелях управления.

Отсутствующие стекла напоминали огромные пустые глазницы, а изувеченные капоты и решетки радиаторов – вечный оскал зловещих черепов. Это место вызывало оторопь в любое время суток и в любую погоду, а сейчас, зимней ночью, в свете желтого фонаря и вовсе напоминало морг. Только вместо тел здесь вповалку лежали машины. Хотя сколько человеческих трупов извлекли из них до того, как они оказались здесь, – и не сосчитать.

Фонарь, казалось, и сам съежился от холода, освещая небольшой участок стоянки. А мгла, пожиравшая все вокруг, напоминала хищника, пытающегося поглотить последний светлый клочок земли. Машины послушно тонули во тьме, исчезали в бесконечности, а снегопад лишь добавлял глубины в общую картину.

Еле слышный скрип фонаря на ветру и редкий лай местных собак – единственное, что хоть как-то оживляло это кладбище автомобилей. Сюда привозили разные машины; неизменным было лишь то, что все они были мертвы. Одни исчерпали себя, прослужив на благо человека десятки лет, другие, не успев выехать из салона, вылетели на встречу, окрыленные мощностью мотора и смелостью водителя. Сценариев – сотни, но результат один: последнее пристанище здесь в немом ожидании гниения под палящим солнцем, проливным дождем и снегопадом.

Камеры наблюдения, закрепленные по периметру на заборах, работали круглосуточно и фиксировали каждое движение. Ведь, несмотря на кажущуюся бесполезность местных экспонатов, всегда находились желающие забраться на эту территорию: кому-то были нужны детали для машины, кто-то искал не сильно «убитую» резину. Сюда частенько наведывались бомжи, наивно надеясь найти в бардачках хоть что-нибудь ценное. Не обходилось и без подростков, жаждущих острых ощущений. Так что, как только камера фиксировала движение, автоматически включалась запись, а красный индикатор в углу небольшого монитора, находившегося в домике охраны, предупреждал о вторжении. Это освобождало охранников, работавших посменно, от необходимости сидеть сутки напролет перед экраном, высматривая непрошенных гостей.

– Глянь, замигал, – сказал Крепкий, мускулистый парень в камуфляже, один из шестерых охранников, работавших попарно в режиме «сутки через двое».

– Ага, опять какой-нибудь придурок залез, – согласился его напарник по прозвищу Лопух.

Они мало чем отличались друг от друга – особая порода людей, трудившихся здесь не только ради заработка, но и ради отдыха, который они между собой называли «адским трудом». В основном штат состоял из бывших военных, которые могли себе позволить больше не служить Отчизне.

Крепкий неспешно подошел к монитору компьютера и, отхлебнув растворимый кофе из огромной серой кружки, уставился на черно-белое изображение.

В их маленьком домишке на полную работали три обогревателя. Этого было вполне достаточно даже в тридцатиградусный мороз. Из кассетника негромко играл «ЧайФ». Никто

из них не торопился покидать островок относительного уюта из-за какого-то сигнала вторжения на территорию. На улице свирепствовал холод, и метель, словно истеричная старуха, продолжала вальсировать посреди груд металлолома.

– Ну, чё там? – поинтересовался из дальнего угла Лопух.

– Да вроде ничё... Может, собака?

– Скорей всего. Не видишь?

– Не-а.

– Пойдешь на обход? – Лопух лениво рассмеялся.

– Ага, щас! Только полы помою! – иронично ответил Крепкий.

– Может, в нардешки?

– Уже в кишках сидят твои нарды. Ну, давай, ёк-макарёк. Чем еще тут заниматься?

Нарды и партейки в дурака были их основным занятием. Они играли в эти игры изо дня в день, изредка перебрасываясь фразами без особого смысла. Работать было несложно, но очень скучно.

– Ну, раскладывай, чё сидишь?

– Да чё их раскладывать-то? Минутное дело.

– Ну, так и раскладывай.

– Нарды на столе, лень вставать. Захвати с собой.

– Вот ты, ёк-макарёк! – возмутился Крепкий. – Подними свою задницу и разложи их сам хоть раз!

– О-о-о-о... – поднимаясь с насиженного места, застонал Лопух. – Ты, конечно, сложный чел.

В этот момент красный индикатор вновь замигал, и камера начала наводить резкость. Близко пролетавшие снежинки мешали объективу настроить фокус, и потому прошло некоторое время, пока исчезла мутная пелена с экрана. Свет от фонаря и так был слабый, а через линзу камеры и вовсе казался тусклым. Но его оказалось достаточно, чтобы разглядеть фигуру, которая стояла прямо посреди освещенного участка земли.

Крепкий снова подошел к монитору.

– О, ёк-макарёк, по ходу, телка какая-то.

– Да ну? – удивился второй.

– Ага, глянь.

Девушка стояла неподвижно, словно потерянная, среди куч металлолома.

– Чё она тут забыла?

– Хрен ее знает.

Девушка шевельнулась и приблизилась к камере.

– Чувак, очуметь, глянь! По ходу, она голая!

Обнаженная молодая женщина не обращала никакого внимания на лютый холод. Мужчины быстро надели теплые куртки с шерстяными воротниками, натянули вязанные шапки на бритые головы и выбежали во двор.

От их домика до фонаря было метров двести. Смотреть не прищуриваясь мешали снег и ветер, но они знали территорию как свои пять пальцев, и им не составило труда дойти до нужного места в лабиринте из металлических трупов. Это был самый центр «Кладбища», откуда в разные стороны уходили тонкие тропинки. Женщины здесь не было.

– И чё?! Куда она делась?! – Крепкий растерянно огляделся, вглядываясь в кромешную тьму.

– По ходу, куда-то делась.

Лопух достал пачку «Мальборо», выбил две сигареты так, что они чуть не вылетели на снег, и предложил напарнику закурить.

– Эй! – закричал Крепкий. – Кто здесь чё потерял?!

Лопух вздрогнул:

– Ты чё орешь?

– Так, а как иначе-то? Заблудится еще.

Тот шмыгнул носом:

– И как быть?

– «Как быть, как быть»... Твой любимый обход придется делать!

– Опа...

– Вот тебе и «опа», ёк-макарёк.

Вряд ли кому-то было бы приятно бродить здесь в поисках непонятно кого, да еще и в зимнюю ночь.

– Я только не понял фишку с голым телом...

– Я тоже не понял. Может, она не голая была?

– Так мы же видели!

– Видели...

Они еще раз пристально взгляделись в тропинки, уходящие в темноту.

– Чувак, сходи до каморки, принеси фонари. Надо, по-любому, все обойти. А то, не дай Бог, случится с ней что – крайними будем мы.

Впопыхах докурив, Лопух послушно направился в домик.

– Чё, когда вышли, не взяли?

– Ну, забыли, чё теперь делать?

– «Чё теперь делать, чё теперь делать», – пробормотал тот.

Ветер стих, снег стал мельче. Переступая с ноги на ногу, молодой человек в камуфляжной куртке вслушивался в тишину, которую нарушал лишь скрип фонаря на ветру. Он работал на «Кладбище» больше года и, несмотря на свою толстокожесть, относился к этому месту с должным почтением. На его памяти здесь побывало много незваных гостей, но появление обнаженной женщины напугало даже этого тертого калача.

Неожиданно зашипела рация. Крепкий вздрогнул.

– Слышь? – раздалось из динамика. – А где второй фонарик?

Он поднес рацию к лицу, приглушил звук и нажал на кнопку:

– Ты ослеп, что ли? На столе у монитора. Нашел?

– Не-а.

– Глянь за диваном.

Вновь воцарилась тишина. Он сделал несколько шагов по хрустящему снегу, остановился как вкопанный и снова поднес рацию ко рту.

– Слышь меня? Я кое-чего не понял. Тут только наши с тобой следы!

– И чё? – ответил напарник.

– И то! Нет никаких следов босых ног.

– Я не обратил внимания.

– Сначала и я не обратил, но щас смотрю и не понимаю...

– Может, мы их затоптали?

– Может, но откуда-то она должна была выйти? А здесь снег нетронутый.

– Хрен ее знает...

Через минуту снова раздался свист и шипение из динамика.

– Чувак, я нашел этот долбаный фонарь.

– Да ты просто Шерлок, мать его, Холмс, – отшутился Крепкий. – Давай быстрее, а то я уже замерз тут.

На самом деле стоять одному ночью в окружении мертвых железных коней было жутковато.

– Ну, что? Прием!

Рация снова затрещала. Он прикрутил громкость и нажал на кнопку.

– Ты идешь? – в ответ раздалось лишь шипение. – Вот же ёп...понский бог...

Назойливый лай собак был здесь привычным фоном. Но сейчас, когда все собаки в округе вдруг умолкли, тишина стала почти осязаемой. В этом беззвучии было что-то зловещее.

Крепкий все так же вглядывался в темноту в надежде увидеть напарника.

– Чувак, ты замерз там, что ли? – последняя, но тщетная попытка выйти на связь.

Он сделал шаг и с хрустом по щиколотку провалился в небольшой сугроб. Одновременно с хрустом он услышал короткий негромкий стон. Парень застыл на месте как вкопанный, и холодок пробежал по его позвоночнику. Через секунду звук повторился – где-то сзади, очень близко снова застонала женщина. Крепкий вздрогнул и выпрямился. Озноб спустился к ногам, вмиг сделав их ватными. Сопrotивляясь слабости и страху, охранник оглянулся.

В нескольких метрах от него в свете фонаря стояла голая женщина. Судя по лицу, ей было около тридцати, но бледное тело, отвисшая грудь и дряблый живот делали ее старше. Светлые волосы небрежно лежали на перекошенных плечах. Левая рука висела плетью, а правая, вывернутая в кисти, была прижата к груди. Лицо было искажено как будто предсмертной гримасой. Затуманенные глаза смотрели сквозь слипшиеся ресницы. Холод ее ничуть не беспокоил: несмотря на мороз, из открытого рта не выходил пар, а живот и грудная клетка были неподвижны. Она попросту не дышала.

Крепкий застыл, тщетно пытаясь отыскать хоть что-то человеческое в этом уродстве. Бледное, опухшее тело женщины оказалось полупрозрачным, словно состояло не из плоти и крови, а из густого, мутного киселя, залитого в полупрозрачное подобие кожи из слежавшегося силикона. Это странное существо явно было гостьей из иного мира – привидение, возможно, образ когда-то умершего человека. И оно не было бы таким пугающим, если бы было просто дымкой или сгустком энергии.

Мужчина в ужасе отшатнулся. Ему, бывшему военному, не раз доводилось видеть трупы, но такое зрелище предстало перед ним впервые. Не в силах даже закричать, он попытался назад. Женщина не шелохнулась. Тогда Крепкий развернулся и что есть мочи ринулся к домику. Никогда еще это крошечное убежище на краю «Кладбища» не казалось ему таким далеким.

Тяжело дыша, охранник вбежал в дом и запер за собой дверь. Глядя в одну точку, он вдруг подумал, что, стоя один на один с тем странным существом, даже не вспомнил про пистолет в кобуре. Тут же пробежав пальцами по ледяному стволу «макарова», он с облегчением выдохнул. С этой маленькой машиной для больших бед было намного спокойнее.

Его переполнял ужас, который мог вырваться наружу в любой момент и сделать из него животное, палящее из пистолета по любому движущемуся предмету. При малейшем шорохе он был готов изрешетить входную дверь, но тишина поглотила все звуки. Смолкли даже часы с выцветшим циферблатом.

Прошло время, прежде чем снова защелкала секундная стрелка, а в углу заурчал холодильник «Морозко». Стало слышно, как потрескивают масляные обогреватели, как гудит ветер, то и дело таранящий обшивку старого сруба. Все постепенно обрело привычные черты. Немного придя в себя и справившись с дрожью, Крепкий огляделся.

В комнате царил уютный, теплый полумрак. Монитор с изображением фонарного столба и нескольких машин на заднем плане мерцал тусклым серебром. Красный маячок датчика движения был неактивен. Все было спокойно – и это настораживало, потому что Лопуха здесь не было, хотя на столе лежали два больших фонаря и шапка.

«Он был здесь, – подумал Крепкий. – Куда он мог деться? Во дворе мы не встретились, хотя идти он мог только той же дорогой».

Под ребрами заныло беспокойство, которое он ненавидел: ощущение, что произошло нечто страшное и непоправимое. Он опустил глаза, и мысли миготом разбежались в разные стороны, словно потревоженные лучом света тараканы: от стола к порогу тянулась широкая полоса крови вперемешку со следами рифленых подошв. Это явно были не брызги от сломанного носа или порезанной руки, а сильный поток из большой раны, находившейся, скорее всего, ниже пояса.

Мужчина взял рацию к подбородку, нажал кнопку и прошептал:

– Ты где?

Тишину заполнил громкий треск. Через секунду он услышал собственный голос из рации напарника, которая была где-то рядом. Крепкий вздрогнул, снова нажал на кнопку, и по другую сторону от входной двери с небольшой задержкой раздался хрип динамика. Он подошел к двери и прижался ухом к мягкой обивке.

«Ты еще и рацию выронил на крыльце!» – подумал он.

Зачем-то он снова нажал на кнопку и произнес:

– Ты где?

Пугающую тишину ночи разрезал его же голос, искаженный замерзшим динамиком. Крепкий убрал палец с кнопки, и шум за дверью прекратился. Он вздохнул, не понимая, что делать дальше. Неожиданно рация в его руках зашипела. Он вздрогнул и уставился на черный коробок с антенной.

Рация затрещала, переходя на свист, словно кто-то настраивал частоту радиоэфира, а через миг из приемника раздался низкий женский голос:

– Я... з-де-сь.

Неплохой сюжет

Поль положил листы исписанной бумаги на большой стеклянный стол, откинулся на спинку кресла и задумчиво посмотрел на красивую девушку, сидевшую напротив. Елизавета, так ее звали, ответила ему столь же пристальным взглядом.

– Ну, что сказать... Атмосферная история. Правда, скорее рассказ, чем сценарий.

Лиза мило улыбнулась:

– Сценарист молодой, описал все слишком подробно. Согласна, перестарался, но, как мне кажется, есть за что ухватиться.

Он улыбнулся в ответ.

Поль был генеральным продюсером лидирующего в России телевизионного канала NeTV. Более шести лет он успешно работал на благо страны, учредителей и свое собственное. В результате зрители получали интересный формат и любимые передачи, инвесторы – успешный бизнес и внушительные дивиденды, а Поль – известность, уважение и полную свободу действий.

Подчиненные ценили Поля не за надпись «Босс» на его кофейной кружке, а за профессионализм, который он доказывал в каждом своем проекте. Он видел все мельчайшие ошибки, но мог закрыть глаза на большие, если того требовали обстоятельства. Кроме того, он поименно знал каждого сотрудника компании, а таковых была не одна сотня.

– Но это невозможно! – скажете вы.

– Почему же? – игриво ответит он, извиняясь перед уборщицей за то, что наступил на свежeweымытый пол, и обращаясь к ней по имени.

– Ну, и? – не унималась Лиза.

Поль выпрямился в кресле.

– Идея с «Кладбищем автомобилей» мне нравится, это может быть близко людям. Многие ставят машины в гаражи и ночью идут домой пешком, так что это может напугать. Но вы сами себе усложняете задачу. Чтобы получилась документалистика, надо постараться, иначе это будет смешно, – он пробежал глазами текст. – Во-первых, нетронутый снег – это всегда геморрой, но бог с ним... Как вы хотите показать диалог охранников в домике, не показывая то, что там произошло в результате? Если внутри есть камера, то почему она не запечатлела случившееся? Помехи? Но если призрак так влияет на технику, то почему не сломалась камера на улице? – Поль отложил сценарий. – Надо додумать, что все-таки приключилось в доме. Кстати, кровь должна быть и на крыльце. Или раненый охранник испарился перед выходом во двор? Здесь ясно написано, что он выбежал, оставляя за собой кровавый след. Тогда получается, что Крепкий не заметил на снегу алую кровь? Не верю. Это откровенные ляпы.

– Он мог быть напуган, – предположила она.

Поль снисходительно улыбнулся:

– Зато зритель не напуган настолько, чтобы простить нам такую невнимательность.

– О'кей, будем думать, – она деловито кивнула. – Далее?

– Далее – слишком мало крови. Зритель любит жесточе, не мне тебя учить. Боюсь, без этого не обойтись.

– О'кей.

– С экспертами уже есть договоренность?

– Так мы же с постоянными работаем!

– Нужны новые. Как только люди привыкают к экспертам, они перестают им доверять. Привычные лица не так убедительны в данном аспекте. Если же появляется new face, да еще и

со страшным званием, типа «главный хронолог пупырской лаборатории секретных разработок СССР», публика сразу же внимает его словам. Нельзя давать зрителю возможность оценивать самостоятельно. Для этого мы и существуем. Именно мы должны сообщать им «правильную правду». Сюжетом нужно добивать, не дожидаясь, когда зритель начнет сомневаться в правдивости сказанного. А уж потом нужное впечатление и созданное нами настроение выведут обывателя в необходимое русло. Этому в школах продюсеров не учат?

Она натянуто улыбнулась.

Поль продолжил:

– Возьмите какого-нибудь квантового физика и специалиста по визуальным эффектам, пусть подтвердят достоверность видео. А ваши гадалки и экстрасенсы уже в кишках сидят.

– Придется платить. Физики за пиар работать не будут.

– Дайте им по двести долларов, думаю, этого будет достаточно за пару слов в эфире.

Она кивнула.

– И еще... – Поль поправил наручные часы. – Что все-таки произошло со вторым охранником? Он услышал: «Я здесь» – и кончилась пленка?

Она покачала головой:

– Нет, думаю, ему лучше выбежать в темноту.

– А потом?

– А потом мы возьмем у него интервью.

– Хм... Думаю, лучше, если они оба бесследно исчезнут, а интервью вы возьмете у их плачущих жен, оставшихся с детьми. Это россиянам больше понравится.

– О'кей.

– И отправьте главных героев на месяц в какой-нибудь дом отдыха в Подмосковье, пусть там отсидаются после выхода передачи. А то будет смешно, если они вдруг появятся в YouTube покупающими молоко в магазине.

– Поль, мы же подписываем соглашения о конфиденциальности с актерами, не в первый раз замужем!

– А вы и с соседями, и со случайными прохожими, у кого есть видеокамера в телефоне, тоже подписываете?

Девушка ухмыльнулась.

– Через месяц-другой про них никто и не вспомнит, а пока...

– О'кей.

– О'кей.

– Я могу идти? – Девушка встала с кресла.

– Вы свободный человек, Елизавета. Можете идти, стоять, сидеть, лежать – в общем, делать все, что вам заблагорассудится!

– Не знала, что французы знают такие слова...

– Вы еще не знаете многого, что умеют французы!

– Поль Григье де Женотье!

– Елизавета!

– Вы меня смущаете. – Улыбка не сходила с ее уст.

Они давно знали друг друга, и легкий флирт стал неотъемлемой частью их общения. Лиза сама не понимала, нравится ей такая данность или нет. Безусловно, как мужчина, он был ей более чем симпатичен, но любой флирт поздно или рано должен либо перерасти в близость, либо сойти на нет. В их случае он оказался слишком долгоиграющим, что для двадцативосьмилетней девушки с определенным жизненным опытом было ново.

Женотье был крепким мужчиной ростом более ста девяноста сантиметров. Седина на фоне черных как смоль волос придавала его ухоженному лицу особый шарм, а легкая

щетина добавляла немного небрежности. Дорогой костюм, рубашки с запонками, туфли из-под колодки «Эрмес» и «Патек Филипп» на левой руке были обязательными атрибутами его безупречного стиля. Он отдаленно напоминал Пирса Броснана, сводя с ума женщин всех возрастов, завидовавших его милой супруге Жаклин. И Лиза не была исключением, что не мешало им держать дистанцию.

Девушка с улыбкой встала из-за стола, сделала реверанс и направилась к выходу. Поль присвистнул ей вслед:

– Такие ноги категорически нельзя скрывать под платьем!

Лиза не ответила.

– Со следующей недели, – не унимался тот, – на работу только в юбке! Ты слышишь?

Она захихикала, открыто ликуя.

– И нечего смеяться, иначе уволю! – Поль, шутя, стукнул кулаком по столу.

Лиза покачала бедрами и перед тем, как исчезнуть в дверном проеме, издала короткий стон, слегка хлопнув себя по ягодице:

– Слушаюсь, мой господин!

Поль родился в самом романтическом городе мира – в Париже. Получив в Европе три высших образования, он решил на четвертое, но в силу жизненных обстоятельств воплотил свое решение здесь, в России. Хотя, приехав в Москву одиннадцать лет назад, он уже был одним из самых перспективных телевизионных продюсеров Франции.

– Почему вы решили приехать в Россию? – постоянно спрашивали его журналисты.

– Потому что я еще слишком молод для европейской жизни, – отвечал он. – Наблюдать свой закат действительно лучше там. Но жить и дышать вопреки всем стратегиям и расчетам умеют только русские. Хотя вы и жалуетесь на сомнительную демократию, вы свободны больше, чем кто-либо! На родине мне не хватает авантюризма, а здесь его хоть отбавляй! Если Париж – столица любви, то Москва – столица шила в заднице, а мне так нравится не сидеть на одном месте! – Он улыбался во все тридцать два белоснежных зуба. – И самое главное: только в этой стране можно чувствовать себя защищенным не потому, что хорошо знаешь свои права, а потому, что их плохо знают другие.

– Значит, вы редкий гость у себя на родине?

– Почему же? Супруга с детьми во Франции и несколько раз в год прилетает в Москву, а мне ничего не стоит при малейшей возможности рвануть на уик-энд к семье. Иногда я дольше торчу в московских пробках, – закатывая рукава рубашки, говорил Поль. – Москва вообще уникальный город. Здесь сглаживается представление об огромных расстояниях, но при этом пугают сто метров до следующего светофора, на котором можно простоять столько же, сколько длится перелет в Европу!

– Разве не опасна семейная жизнь на расстоянии? А как же соблазны?

– Мужчины, меняющие женщин как перчатки, на самом деле ищут самоутверждения. Это ясно как день! – уверял Поль. – Я люблю свою жену, и мне этого достаточно, чтобы быть уверенным в себе. Ну, подумайте сами: если лучшая женщина в мире выбрала именно меня, это ведь чего-то стоит? Если BMW – это машина для тех, кто желает успеть везде, то Mercedes – для тех, кто везде успел. Можете считать меня человеком-мерседесом!

В этом был весь Поль. Но ничто так не отражало суть его личности, как кабинет, в котором всегда было прохладно и слишком чисто. Каждый предмет здесь говорил о продуманной роскоши и комфорте. Любимое кожаное кресло на колесиках с подголовником из замши; угловой диван из кожи цвета слоновой кости; длинный ореховый стол для переговоров с шестью стульями; картины, среди которых был и легкий сюр, и постимпрессионистские пейзажи в лучших традициях ван-гоговской школы – каждая подсвечена неярким бра. Дополняли интерьер

грамоты и благодарности, развешанные над стеклянной полкой с разнообразными статуэтками со всех частей света.

Поль Григье де Женотье был эстетом и педантом. Но, несмотря на внимание к деталям и любовь к красивым вещам, он легко мог подарить гостю любую вещь из своей коллекции просто так, в знак симпатии. В бизнесе Женотье был, безусловно, прагматичен, но настолько обаятелен, что встреча с ним всегда оставляла улыбку на лицах партнеров и коллег. Легкость была главным последствием после общения с ним.

Поль не мыслил своего существования без телефонов, планшетников и ноутбуков настолько, что даже в офисе перестал пользоваться ручкой и бумагой. Поэтому на его столе не было ничего, кроме восемнадцатидюймового серебристого «МакБука» и ярких фотографий с улыбающимися детишками. У Поля их было трое: две девочки, одиннадцати и четырнадцати лет, и мальчик, которому недавно исполнилось восемь.

«Всю жизнь я доверял лишь записной книжке и карандашу. Но сейчас то время, когда от них меньше пользы, чем от мишленовского ресторана в Тамбове, – говорил он, отправляя очередное электронное письмо с телефона. – Мне пятьдесят три года, и каждое прикосновение к компьютерной клавиатуре вызывает у меня дикий восторг. В детстве не доиграл – отрываюсь сейчас!»

Уважение к другим – признак уважения к самому себе. Это главное, поскольку человек, не уважающий себя, недостоин уважения других.

Картошка с грибами

Рабочий день в офисе только начинался. Несмотря на раннюю весну, в воздухе все еще витал дух зимы. Она не сдавалась ни календарю, ни желающим влюбиться. Погода за окном оставляла желать лучшего.

Московская весна похожа на зиму и осень – в ней слишком мало солнца. Людям остается лишь предвкушать короткое лето и стараться не обращать внимания на сырость, окутавшую прекрасный город и сделавшую его монохромным.

Елизавета села за рабочий стол и позвонила сценаристу, чью идею только что показывала боссу. Она объяснила ему, что и где нужно исправить, стараясь не упустить ни одной детали. Эта щепетильность была обусловлена не только тем, что Лиза являлась ответственным и исполнительным работником; она искренне считала Поля большим профессионалом. Их представления о том или ином проекте часто отличались, но, как показывала практика, Женотье всегда оказывался прав. В глубине души ей это даже нравилось.

Лиза была сильным человеком, умеющим бороться за свою правду. Красивой молодой девушке всегда сложнее отстаивать позицию. У многих заведомо предвзятое отношение к такого рода специалистам. Сдаться женщине и не спорить с ней готовы немногие мужчины, но даже в этих случаях Лизу не интересовало кокетливое снисхождение сильных мира сего. Ей было важно, чтобы люди, от которых она зависит, воспринимали ее объективно. Уж если принимают ее работу, то потому, что это действительно хорошо, а не из-за красивой груди.

Она часто повторяла:

– Ты сама себе усложняешь жизнь. С мужчинами можно делать все что угодно. Во все времена женщины переворачивали мир, правильно пользуясь своей сексуальностью! Но ты, словно упрямая ослица, пытаешься доказать всем, что ты личность. Зачем?

Так случилось, что в мире, где правят мужчины, женщина и личность – не всегда синонимы. Лиза это хорошо понимала, но принять такой факт у нее не получалось. Возможно, поэтому она была одинока.

Будучи красивой и талантливой девушкой, она никогда не была замужем. Самые долгие отношения в ее жизни длились три года, но это было так давно, что она уже забыла, как это – не быть одной. Редкие свидания, частые разочарования и работа – вот и все, что было вписано в ее биографию за последние шесть лет. Когда мамин голос в телефонной трубке напоминал ей о том, что они с отцом мечтают о внуке, Лиза находила массу поводов, чтобы поскорее закрыть эту тему.

– Мама, хватит! – закатив глаза, повторяла она. – Я не могу по заказу выйти замуж и родить прекрасных двойняшек.

– Ты не понимаешь. Мы не вечны. Молодость твоя не вечна... Хочется успеть понянчить твоих деток, – присоединялся отец.

– Я знаю, но нужно полюбить. Это же не сосиски пожарить! Надо встретить своего человека... А я пока встретила лишь свою работу. С ней ложусь и просыпаюсь.

Родители вздыхали:

– Лишь бы ты была счастлива!

– А я счастлива!

– Ну, тогда мы замолкаем.

– Уже в который раз! – Она улыбалась.

– Так когда ты приедешь? Когда картошку с грибами начинать готовить? – Это было ее любимое блюдо.

Глаза Лизы мгновенно наполнялись слезами:

– Столько работы... Пока не знаю.

Родители девушки жили далеко от Москвы, в маленьком городке под названием Ялуторовск, что под Тюменью. Им было по шестьдесят, и, несмотря на непростую жизнь простых рабочих, они сохранили в своих глазах тот свет, которого не хватает столичным жителям, вечно спешащим за своим счастьем.

– Мамочка, может, в конце апреля прилечу дня на четыре.

– Баньку затопим, стол накроем! Выпишься хоть, покушаешь нормально...

– Ага, помоюсь как следует! – Лиза смеялась, чтобы не выдать слезы от накопившейся ностальгии.

– Ну тебя! – мама махала рукой. – Я тебе серьезные вещи говорю, а ты все шутишь.

– Мамочка, я обязательно приеду! В апреле. Постараюсь на недельку даже!

– Ждем, родная! Давай, будь там осторожна!

– Целую вас! Соскучилась!

– И мы соскучились, солнышко! Целуем!

Гудки, и еще несколько секунд она не отстранит трубку телефона от лица. В голове еще будут звучать родные голоса, на губах останется улыбка, а глаза будут блестеть от слез.

Лиза поправила упрямую светло-русую челку и вернулась к компьютеру. Интернет вмиг завладел ее вниманием. Бродя по информационным сайтам, она надеялась раздобыть там что-нибудь подходящее для ее авторской программы «В поисках призраков». Загадочные события, мистические совпадения, заброшенные трассы и аномальные зоны – ее интересовало все, что поразит воображение зрителей.

Выразительные зеленые глаза девушки бегло просматривали страницы, изредка задерживаясь на фото, видео или абзаце в электронном журнале, но спустя секунду и это отправлялось в виртуальную корзину.

– Да уж... – пробормотала она. – Похоже, вымерли даже мертвые.

За два года существования ее программы в эфире было снято огромное количество сюжетов и документальных фильмов о паранормальных явлениях. Идея каждого из них принадлежала Лизе. Изюминка в том, что она упрямо выискивала хотя бы намек на интересный сюжет, мало-мальски подкрепленный фактами. А уж все остальное было делом техники: что-то подчеркнуть, что-то недоговорить, что-то утрировать, а что-то и придумать.

– Словно кость, обрастающая мясом, любая история должна обрести смотрибельную форму. Это телевидение. И если для этого нужно добавить немного деталей – ничего страшного! Добавляя масла в манную кашу, вы лишь придаете ей вкус, но от этого менее манной каша не становится, – повторял Поль новичкам, страдающим излишней деликатностью и правдолюбием.

Тем не менее каждый раз, когда сюжет был «притянут за уши», Лиза испытывала разочарование. Иногда ей попадались действительно стоящие истории, но и тогда было необходимо ввести в игру «очевидцев», чтобы окончательно убедить в подлинности происходящего капризных зрителей. Она была вынуждена додумывать подробности, так как даже самые необычайные истории казались плоскими без ярких нюансов и комментариев экспертов.

– Поль, нам нужно, чтобы они поверили или чтобы это было интересно?

– Зрителю никогда не интересно, если он не верит. Так уж устроены люди, – отвечал он. – Не бойся фантазировать. Вряд ли ты сможешь придумать то, что когда-либо не происходило на самом деле.

Эти слова вновь и вновь вдохновляли ее на творчество. И, спрятав поглубже образование режиссера-документалиста, девушка снова принималась за поиски иголки в густом стоге информационного мусора.

Проявление оправданной слабости может позволить себе только сильный и умный человек. Проявление неоправданной силы – чаще всего, признак бессилия и глупости. Мы всю жизнь пытаемся стать сильнее для того, чтобы позволить себе слабость или открыто признаться в собственном бессилии.

Доля – двадцать шесть

Поздним вечером, когда ночная Москва спрятала за своими огнями промозглую серость, белый «Ауди»-«купе» мчался по Садовому кольцу, нагло обгоняя соседние машины. Дерзость водителя вызвала недовольство у остальных участников движения, но ничего, кроме выкрика вслед лихачу, они предложить не могли.

В салоне авто негромко звучала музыка в стиле Cafe Del Mar, и водитель, вглядываясь в дорогу, упрямо давил на педаль газа.

Это был симпатичный блондин с черными глазами, что многим казалось неестественным: серые, голубые или зеленые глаза были бы уместнее. Правильные черты лица, высокий рост, худощавое телосложение и строгая осанка делали тридцатипятилетнего Макса еще более ярким. Он хорошо понимал это. Изредка взвешивая свои плюсы и минусы, он признавал, что плюсы в который раз перевесили. Впрочем, его мнение на свой счет не отличалось от мнения страны, в которой он был широко известен как ведущий одной из самых популярных телепрограмм «В поисках призраков».

До того, как Поль Григье де Женотье привлек его к своему проекту, Макс был рядовым видеомодератором на музыкальном канале. Но огонь, который горел в молодом человеке, и необычный контраст черных глаз и слишком светлой кожи заставили Поля остановить свой выбор именно на нем.

Холодная красота мужчины была как нельзя кстати в этой программе. Почти гипнотический прищур и обволакивающий, негромкий баритон заставляли телезрителей внимать каждому его слову. Талантливые импровизации, приправленные достойным сарказмом, влюбляли в себя значительную часть женщин, притихших перед телевизором. Он был остроумен и смел. Во всяком случае, так считали все, кто смотрел его шоу. И правда, ходить по заброшенным замкам и лесам, кишасим призраками, может далеко не каждый. А если он к тому же красив и успешен, то можно считать, что все его недостатки не имеют никакого значения.

Вне кадра Макс был немногословен и предпочитал беречь энергию. Как у любой творческой натуры, у него были свои «тараканы», с которыми окружающие либо мирились, либо нет. Макса одинаково устраивали оба варианта.

Машина остановилась у распахнутых ворот. На пороге стоял швейцар, заранее открывший тяжелые резные двери, которые находились в глубине здания. Приветствуя вновь прибывшего гостя, он кивнул головой и улыбнулся. Фары погасли; высокий, одетый с иголки молодой человек не спеша вышел из авто, передал ключи парковщику и, не сказав ни слова, вошел в ресторан.

Негромкий джаз тут же окутал Макса с ног до головы и вызвал невольную улыбку. Стараясь на время отвлечься от проблем, Макс подошел к столику, где его ждали трое друзей.

– О, какие люди! – раздалась возгласы.

– Привет, Максик!

– Привет!

Обнявшись со всеми и рухнув в удобное кресло, он заказал себе виски со льдом.

– Это все или вы желаете покушать? – уточнил официант.

– Желаю, но сначала хочу выпить. Оставьте меню.

– Хорошо.

Макс облегченно выдохнул и уселся поудобнее.

– Ну, как ты? – спросила красивая брюнетка.

– Устал как собака. Работа и еще раз работа.

– Так это же круто!

– Круто, безусловно, но если без геморроя.

– Опять?! – выкрикнул полный парень.

– Опять.

– Что опять? – включилась белокурая девица. – Геморрой?

Макс покосился на нее.

Жена его друга отличалась полным отсутствием ума, и так считал не только Макс. Но она была красива и стройна, а для друга этого было вполне достаточно.

Макс продолжил:

– Опять мозг выносят. Пытаются перекупить меня уже в третий раз. Долбаная конкуренция между каналами...

– Где больше платят?

– Дело не в этом! Два года назад они обо мне знать не хотели, а сейчас, когда наша программа имеет их по полной, решили перекупить. NeTV, конечно, не загнется, но насчет себя не уверен. У них на канале своих звезд хватает. Я им только для того, чтобы Женотье подгадить.

– Какая у вас доля?

– Давно не интересовался. Год назад была двадцать два – двадцать шесть.

– Ого, серьезно!

Блондинка отвлеклась от еды:

– А что такое доля?

– Часть целого, – ответил Макс. – Если маленький кусочек убрать от чего-то, то он будет меньшей долей, а то, что было целым, без этого кусочка тоже становится долей, только большей. А еще бывает левая и правая доля, например мозга. Левая находится слева, а правая – справа. Если их в детстве поменять местами, то доли перестают работать. Это бездолевое мышление, которое встречается крайне редко и почти уникально в своем роде.

Муж приснул, взглянув на свою жену, с открытым ртом слушающую Макса, а потом на друга:

– Ну, хватит, Максик. Хорошо издеваться над моей девочкой.

– Я не издеваюсь! Я всего лишь хотел сказать ей, что она уникальна.

– Кисонька, – обратился полный паренек к своей суженой, – доля – это когда из ста процентов зрителей десять смотрят один канал, еще десять другой и так далее. И чем больше эта доля, тем лучше для канала. Например, двадцать процентов из ста смотрят шоу Макса, понимаешь?

– Ну, так, отчасти, – пробубнила девушка.

– Ты будешь еще мохито?

– Ага.

– Мохито, пожалуйста! – выпалил парень официанту. – А Поль в курсе?

Макс развалился в кресле и, потягивая только что принесенный виски, продолжил:

– Мы с ним это не обсуждали. Думаю, что в курсе, но молчит, как французский партизан.

Видимо, хочет посмотреть, как я поступлю в этом случае.

– И как ты поступишь?

– Пока не понимаю. Смотря сколько предложат...

– Ого! Ты у нас, получается, ценный персонаж!

– Вот, – Макс обратился к блондинке, уплетающей вишневый штрудель. – Обе рабочие доли – это тоже неплохо!

Она не обратила никакого внимания на его слова.

– Ладно, не парься, – махнул рукой приятель. – Ты мне лучше скажи, что у тебя с Диной в результате?

Макс не спеша допил виски.

– В результате? Мы оба сейчас пребываем в результате собственной глупости.

– Расход-созвон?

– Думаю, окончательно.

– Все-таки любишь.

Макс жестом заказал следующую порцию.

– Бабы удивительны, – произнес он. – Они стремятся к тому, чтобы ты без остатка подарил себя им. Но как только это происходит, ты вдруг становишься не нужен.

– Обычно.

– Никак не могу привыкнуть к «обычному»... А самое неприятное, что они – как обезьянки-путешественницы.

Светловолосая девушка снова подняла глаза:

– Обезьяны-путешественницы?

– Да, с ветки на ветку. Правая рука еще держит одну, а левая уже ухватила за другую. И Бог с ней, что отпустит. Важно то, что наступает момент, когда она держится за две одновременно.

– А вы, мальчики, – святые моногамщики, значит? – включилась брюнетка, которая все это время лишь слушала их разговор. – Сами за воздух держитесь?

– В момент расставания чаще всего – да. Мужики, в основной своей массе, уходят от кого-то и из-за чего-то. А женщины уходят к кому-то и для чего-то. Так уж мы созданы. Мы чаще всего бежим от прошлого, а вы убегаете к будущему.

– Ну, ты уж всех под одну гребенку...

– Конечно, нет! Я сразу сказал: «в основной своей массе».

Каждый задумался о своем. Первой молчание нарушила темноволосая девушка:

– Мне кажется, в тебе говорит обида за то, что тебя бросили. Красивый, умный и к тому же популярный самец! И тут, надо же, такой редкий экземпляр оставили на полпути!

Макс еле заметно приподнял уголки губ:

– Быть брошенным действительно неприятно. И самооценку это не повышает, в этом ты права... – Он повернул уже пустой бокал, разглядывая рисунок на мутном стекле. – В этом ты права... И насчет обиды ты попала в точку. Я уязвлен, подавлен, разочарован и растерян. Но вот в чем ты ошибаешься: «красивый, умный, популярный» – все это предлоги для того, чтобы держать при себе человека. Это лишь дополнительные функции, чтобы с тобой было лучше, чем с другими.

– Да, но это необходимые дополнительные функции, согласишься! – не отставала она.

– Кому как. Это важно для того, чтобы обратить на себя внимание, заинтересовать партнера. Но их недостаточно для того, чтобы быть любимым. Любят ведь не умом и не статусом, а сердцем! Или я настолько глуп, что верю в это?

– Максик, я не это имела в виду, – начала оправдываться девушка. – Ты потрясающий, правда!

Макс кивнул:

– Да, я и правда хорош! – Он сверкнул улыбкой. – Думаю, пора сменить тему, и так в голове все вверх дном.

Компания перешла на простые темы, позволяющие отвлечься. Девушки заливались громким смехом, парни, жестикулируя, рассказывали всевозможные истории. Но вскоре разговор вернулся к Максиму и его шоу. Ведь некоторые сюжеты программы без преувеличения были достойны воплощения в большом кино.

– Это все Лиза, – твердил Макс. – Вот она – неиссякаемый источник креатива! Я вообще не понимаю, как могут рождаться такие идеи!

– А это все по-настоящему?! – отодвигая очередной бокал мохито, воскликнула блондинка.

Макс улыбнулся:

– Каждая история реальная. Но мы немного сгущаем краски, чтобы было интереснее.

– А про дорогу, где погибают люди?

– Проклятая трасса.

– Ага. Тоже сгустили?

– Нет, там все именно так. Жуткое место! Венки на обочине через каждые десять метров...

– И сколько километров длиной этот отрезок дороги? – уточнил упитанный парень.

Макс прищурился, вспоминая:

– Километра полтора. Самое интересное то, что дорога прямая, как палка. Никаких хитрых поворотов и дырок в асфальте. Представьте: две полосы, на фоне сосновый лес, но люди бьются днем и ночью.

– Ужас, – девушка обхватила себя за плечи.

– Практически все аварии – с летальным исходом, – продолжил Макс. – Люди, проезжая этот участок, сбрасывают скорость, но и это не всегда помогает. Один выживший водитель рассказал нам, что ночью увидел переходившую дорогу женщину с коляской. Он, естественно, по тормозам – и оказался в кювете. Благо сзади ехала машина, и его тут же отвезли в больницу. Повезло. Очевидцы говорят, что машина сначала резко затормозила, а затем слетела с дороги.

– А женщина с коляской? – тихо спросила блондинка.

– По словам пятерых свидетелей, никакой женщины там не было.

Компания загудела, обсуждая невероятную историю. Макс негромко подозвал официанта и заказал черный чай.

– Что, реальные призраки? – не унимался приятель.

– Залезь в Инет, посмотри фото и видео. Про форумы я вообще молчу! Там таких историй пруд пруди.

– Уверен, что большая часть – полная чушь.

– Большая часть – да, но есть и реальные. Именно такие мы и выискиваем для шоу.

– Неужели не страшно находиться во всяких домах с привидениями и в заброшенных психушках? – спросила брюнетка.

Макс поднял глаза:

– Жутко. Если снимаем ночью, то очень неприятно. – Он допил каплю виски на дне бокала. – Правда, воочию лично я ничего не видел, но энергетику чувствовал. Когда у дома плохая история, поневоле ощутишь присутствие заблудших душ.

– Как высокопарно! – воскликнул пухлый паренек.

Максим улыбнулся в ответ:

– Так я же для девочек вещаю. Как же без красивых оборотов?

Компания еще долго обсуждала эту тему. Макс делился мыслями, иногда спорил, сталкиваясь с неверием собеседников, но неуклонно оставался лидером беседы.

Честно говоря, он не особо вникал в основную массу им же снятых жутких историй, стараясь не сопереживать пострадавшим и очевидцам. Работать с материалом, переполненным смертью и сумасшествием, было и без того непросто. Стоя перед камерой, Макс представлял себя профессиональным рассказчиком страшилок для взрослых. Чаще всего его участие в сюжете было чуть ли не механическим, хотя зритель никогда не замечал этого.

Когда не было настроения импровизировать, он говорил подготовленный редактором текст, а после уезжал со съемок, напроочь забывая обо всем. Лишь в такие вечера, как этот, под влиянием расспросов друзей, он вспоминал о ситуациях, с которыми ему приходилось сталкиваться на работе.

Макс не мог не признать, что внимание окружающих ему льстило. Любой публичный человек чаще всего кокетничает, жалуясь на навязчивые взгляды окружающих. На самом деле

ему страшно даже подумать, как он будет жить, если всего этого вдруг не станет. Поэтому, когда известного ведущего просили рассказать историю о призраках, он делал это с удовольствием, понимая, что так проявляется его популярность. Он помнил всего несколько ярких сюжетов и с упоением пересказывал их в деталях. Завороженные взгляды слушателей, особенно красивых девушек, вдохновляли его, и он млел от внимания к своей персоне.

Макс часто пользовался своей популярностью, но сердце его мечтало о единственной женщине, с которой можно было бы просто помолчать. С которой он мог бы быть флегматичным и даже хмурым, рассеянным и часто непонятливым, – таким, каким он был на самом деле. Другим. Разительно отличающимся от остроумного красавца, которому всегда есть что сказать.

Совсем недавно ему казалось, что он нашел такую женщину. Ее звали Дина. Их счастье длилось чуть больше трех лет, но месяц назад они расстались. Макс продолжал беззаветно любить ее, а вот чувства девушки испарились, словно их и не было. Не удовлетворяясь объяснением, что «так бывает», он без конца копался в себе в надежде найти причину ее охлаждения. Все больше он осознавал, что его настоящее «Я» кажется со стороны куда более скучным, чем его экранный образ, и что Дина просто разочаровалась в нем. В такие мгновения он чувствовал себя опустошенным.

– Максик, ты чего сник? – приятель подбадривающе толкнул его в плечо.

Тот потер подбородок.

– Что-то устал я сегодня.

– Завтра опять?

– Совещание, а это еще более муторно, чем съемки. Готовимся к новому сезону, нужно как-нибудь разнообразить концепцию. Завтра встречаемся с Полем и Лизой, они будут что-то придумывать.

Макс встал из-за стола и по пути в туалетную комнату расплатился по счету. Он терпеть не мог подсчитывать, кто сколько наел.

Через несколько минут, вдыхая холодный московский воздух, вся компания уже стояла на улице. Весна продолжала мучить горожан морозом.

– Ну что, – обратился ко всем Максим, – спокойной ночи, девочки и мальчики?

– Давай, Максик, – обнял его приятель. – На днях созвонимся. Может, в покерок как-нибудь?

– С удовольствием, ты же знаешь. К тому же, если частый all in – не признак дурости, то тем более.

– Расход, созвон.

Они попрощались и разошлись в разные стороны. Максим сел в машину и откинулся на кресло.

Ночная Москва впивалась в глаза своих еще бодрствующих жителей. Для кого-то ее огни мелькали слишком быстро, кто-то находил время рассмотреть их.

Этот город суетлив днем и ночью, но с наступлением темноты приобретает особенное обаяние. Он оживает, начинает дышать, наслаждаться свободными дорогами и полуголыми тротуарами. Начинает упиваться яркими огнями и почти незаметными людьми, в кои-то веки обратившими свое внимание на красоту вокруг.

Максим не спеша ехал по Садовому кольцу в полной тишине и не думал о том, что может быть крепко наказан инспекторами ГИБДД за вождение в нетрезвом виде. Несмотря на постоянную занятость и востребованность, его мысли были пронизаны одиночеством. Засыпая в холодной постели, он думал о том, что рядом нет любимой, и страдал от мысли, что она на его плече не уснет уже никогда.

Для того, чтобы следовать за мужчиной, женщине нужно быть уверенной в том, что она любит его, и догадываться о том, что он без нее сможет.

На безрыбье...

Ранним утром, когда солнце только начало наполнять мегаполис своим светом, едва пробивающимся сквозь вечные облака, в комнате Лизы зазвонил будильник. Неторопливо выключив его, она протерла глаза, сладко потянулась и повернулась на другой бок.

«Господи, как хочется спать... – С утра мысли не отличались оригинальностью. – Как же я хочу выспаться хотя бы раз в жизни...»

Потом две чашечки крепкого кофе, выкуренная в форточку сигарета, прохладный до мурашек душ и легкий макияж, оттеняющий ее природную красоту, – обычное начало дня.

Сев в MINI-Cooper и забросив огромную сумку на заднее сиденье, она уверенно выехала из заставленного машинами московского двора. Солнце изредка пробивалось через тучи, а птицы заливались так, словно пытались заглушить гул машин, нервно сигналивших в пробках. Мир просыпался, это чувствовалось во всем, но Лиза не замечала этого. Она вообще не обращала внимания на то, что происходит за окнами. Работа – единственное, что действительно интересовало ее сейчас.

Вот уже несколько лет она вкалывала почти без выходных. С раннего утра до поздней ночи она находилась в офисе, делая все, чтобы оставаться необходимым человеком на канале. Она еще помнила, как сложно вырваться из маленького провинциального городка и заставить столицу хоть в чем-то зависеть от тебя. Быть может, поэтому у нее и получалось.

Лиза считала себя успешной: как правило, все ее начинания были удачными. Но в последнее время поиски крепкого сюжета становились все труднее. Девушка не могла найти себе места, но Поль терпеливо ждал от нее шедевра, не напоминая о неудачных попытках. В ней было много благодарности за это, но чаще его спокойствие раздражало. Она и без того проводила в Интернете так много времени, что начала смотреть на мир словно через монитор компьютера. Пролетающие мимо птицы то и дело казались ей курсором, метнувшимся в угол экрана.

Ее страсть к работе была маниакальной. Никто в офисе не знал о ней ничего, кроме того, что она вечно занята и чрезмерно щепетильна в профессии. Холодность, исходившая от этой красивой молодой женщины, отпугивала. Привлекательность нежных черт лица и сексуального тела напрочь перечеркивалась педантичностью в работе и требовательностью к другим. Для подчиненных она была невыносима, для равных – слишком принципиальна. Единственное, что признавали за ней все коллеги, – это неоспоримый профессионализм. Здесь ей не было равных. Спокойно и уверенно она делала продукт, который кормил весь отдел, занимающийся «Поисками призраков». За это ей прощали излишнюю официальность и холодность.

На самом же деле Лиза была ранимой, любящей и жаждущей любви маленькой девочкой. Просто она не считала нужным демонстрировать зевакам свою истинную уязвимость. Ее абсолютно устраивало кулуарное прозвище «сучка», и она ничего не собиралась менять. В нынешнем мире так действительно проще работать.

Лиза припарковала машину рядом с центральным входом в офисное здание и быстрым шагом направилась внутрь.

– Приветик! – выкрикнула она на ресепшен и, едва успев заскочить в лифт, нажала кнопку «24».

Вид из окон офиса телекомпании открывался потрясающий. Вся Москва простиралась перед взором, а небо казалось пугающе близким. Елизавета походя поздоровалась с коллегами и, словно предвкушая что-то особенное, уселась за компьютер.

Съемки новой серии «В поисках призраков» планировались на следующей неделе. На очереди был довольно безобидный сюжет про дом, якобы кишмя кишавший привидениями.

Сюжет целиком строился на рассказах очевидцев – жителей маленькой деревушки, находящейся по другую сторону леса от того самого одинокого дома. Истории разнились: кто-то видел призрачные силуэты неподалеку от тех мест, кто-то слышал крики по ночам, кто-то рассказывал о пропавших людях, но слухи не были подкреплены фактами. К тому же в российских деревнях количество крепко выпивающих людей столь велико, что верить на слово горстке аборигенов не имело никакого смысла.

В этом лесу, как и во всех лесах нашей необъятной родины, действительно затерялись пара десятков человек. В основном это были молодые и бесшабашные грибники; еще несколько – люди с несложившейся судьбой, проще говоря, бомжи. Большая часть пропавших исчезли в здешних лесах еще в середине девяностых, что не удивит всех, кто помнит те лихие годы; в наши дни уже стало редкостью такое количество «подснежников» – трупов, появляющихся с началом оттепели. Лишь трое затерялись там в последние два года, да и те наверняка сгинули в болотах в разгаре белой горячки.

– Лиз, привет, – пухлый парень из PR-службы незаметно подкрался к ней сзади.

Девушка вздрогнула:

– Ты хочешь, чтобы я скончалась от испуга?

– Прости, – замялся тот.

Лиза улыбнулась и вопросительно уставилась на молодого человека.

– Я договорился с одним глянцем, они хотят сделать про Макса большой материал: разворот плюс обложка...

– Молодчина! – Лиза кивнула и уставилась в монитор.

– ... но он наотрез отказался.

– Как отказался? – она отвлеклась от компьютера и недоверчиво прищурила красивые глаза.

Парень почувствовал негодование продюсера и осмелел:

– Я стараюсь как лучше, но в ответ получаю отказ! Как можно вести переговоры с изданиями, не будучи уверенным в том, что ведущий согласится? Он даже не представляет себе, скольких усилий это стоит. Кто его делает звездой? Я и делаю! А в ответ получаю его «фи»! Теперь я вынужден унижаться перед главным редактором, просить прощения за то, что Макс, видите ли, не хочет давать интервью!

Девушка спокойно и внимательно смотрела на паренька:

– А что за материал?

– Они хотят сделать незатейливое интервью о его разводе с Диной.

Она приподняла бровь:

– Женя, понимаешь ли, в чем дело...

– Я Саша.

– Саша, понимаешь ли, в чем дело... – Лиза огляделась по сторонам. – Ты мастурбируешь?

– В каком смысле? – после долгой паузы пробормотал он.

– В прямом! Ты онанизмом занимаешься?

– При чем тут это?

– Ну как «при чем»? – Она подняла брови. – Очень даже «при чем». Мы можем сделать отличный материал и издать твои интимные фото миллионным тиражом! Потом подключим Интернет, и всё, ты – настоящая знаменитость! Сможешь зарабатывать на том, что будешь заниматься этим при зрителях! Уверена, кто-нибудь да придет посмотреть! Если дело пойдет, я поговорю с Полем, возможно, он сделает меня твоим продюсером. А что? Покатаемся по стране, соберем сливки с твоим шоу! Я уже вижу афиши: «Аццкий дронер Саша вновь в столице вашей!». Ну, как?

Александр опешил. Его челюсть слегка отвисла, а глаза стали похожи на пятаки, которыми в древности прикрывали глаза покойникам.

– Существуют же интимные вещи... – неуклюже попытался защититься он.

– Вот и я о том же, – негромко сказала Лиза.

С ее лица сползла наигранная улыбка, красивые черты немного заострились:

– Сашенька, пока ты искренне считаешь, что твой писюн – более интимная «вещь», чем сердце другого человека, ты так и будешь оставаться неотесанным неудачником. Ты вывалил мне претензии, которые настолько ничтожны, что даже говорить о них стыдно! – Лиза повысила тон. – Никто не вправе заставлять человека рассуждать о личных переживаниях, если он этого не хочет! С чего ты решил, что можешь это делать? Он, конечно, обязан давать интервью, но только связанные с нашим проектом. Повышать узнаваемость, безусловно, нужно, и если бывают интервью, не касающиеся работы, это тоже неплохо. Но не в данном случае. – Она вновь перевела взгляд на монитор. – Вот если у тебя возникнут какие-либо проблемы, связанные с профессиональной жизнью Макса, сразу же сообщи мне.

Парень окаменел.

– Саша, иди работай и дай поработать мне.

Тот молча поплелся восвояси, контуженный неожиданной реакцией продюсера программы.

«Если это поможет ему быть чуть меньшим мудаком, то полдела сделано», – подумала Лиза и открыла папку с документами.

Работа в офисе кипела. Здесь царил гвалт, состоящий из громких словесных перепалок, телефонных звонков, топота ног, шуршания бумаг и гула компьютеров, принтеров и факсов, временами переходящий в хаос. Около полудня дверь открылась, и на пороге появился Максим. В ту же секунду шум немного смолк, и добрая половина женского населения встрепенулась при виде красавца.

– Всем доброго дня! – улыбнулся он.

В ответ посыпались приветствия, и, вдоволь насладившись смущенными женскими взглядами, Макс направился к столу Елизаветы.

– Лизок, привет! Как поживает мой самый любимый и самый красивый продюсер?

Лиза улыбнулась и, встав со стула, чмокнула его в щеку:

– Привет, Максик! Теперь она поживает намного лучше!

– Она? Как это сексуально звучит!

Девушка не переставала улыбаться, а Макс заботливо поправил ей воротничок блузки:

– Поль у себя?

– Я еще не была у него, но он здесь. Ты сегодня рано.

– Да, спал очень беспокойно. Встал в десять утра, повалялся немного, но так и не заснул больше.

– А лег во сколько?

– Под утро, как всегда.

Она понимающе кивнула:

– Ничего, все восстановится. Нервишки успокоятся, и будет тебе счастье.

Судя по внезапно воцарившейся тишине, коллеги слишком внимательно прислушивались к их разговору. Макс и Лиза замолчали, и в тот же миг послышались нарочитые сопение, кашель и шуршание бумаг.

– Зайдем к нему?

– Ага, с языка снял.

Поль был в отличном настроении, как всегда шикарен и по-европейски учтив. Лиза еле слышно вздохнула: «Вот это самец!..» В миллионный раз она впускала эту мысль в свою голову, опасаясь, что поздно или рано та доберется и до сердца.

– Поль! – воскликнул Макс.

– Приветствую! – Женотье встал из-за стола. – Что-то ты к нам редко заезжаешь, занятой ты наш!

– Да то съемки, то еще что-нибудь. – Максим пожал плечами.

– Понимаю, понимаю. – Поль отечески хлопнул его по плечу и перевел взгляд на девушку: – Королева Елизавета, день добрый!

Девушка прищурила глаза и лукаво улыбнулась, дескать, «болтай, болтай, ловелас».

– Кофе, чай? – предложил босс.

– Кофеек без сахара. – Макс сел за стол переговоров.

Лиза присела напротив:

– Спасибо, я ничего не буду.

Поль позвонил секретарше, попросил принести кофе и, довольный, уселся в кресло:

– Ну, рассказывай!

Макс улыбнулся:

– Нечего рассказывать – работа, дом. Сплю по три часа в сутки... Сначала не уснуть, потом не поспать, а затем пораньше проснуться – набор разведчика.

Поль понимающе закивал:

– Жизнь – круги ада, здесь и сейчас. Я сам живу от воскресенья до воскресенья, остальных дней даже не замечаю. Плюс ко всему по семье скучаю. Разве что взгляну в скайпе на детей – и сразу полегче становится.

– Они у тебя хоть есть.

– Слава богу!

– Как семья?

– О, спасибо, все прекрасно, малыши растут! – Поль расплылся в улыбке. – Тебе тоже пора ими обзаводиться! Дети – счастье!

– Не с кем.

– А ты знаешь, – Поль закинул ногу на ногу, – я вообще за то, чтобы делать детей, не размышляя о вечной любви на всю жизнь. Женщины и мужчины сходятся, расходятся, но главная цель во всем этом – продолжение рода.

– Ой, это спорный вопрос, – вмешалась Лиза. – А каково ребенку без отца?

– Елизавета, – Поль сверкнул белоснежной улыбкой, – ребенку без отца не хуже, чем с отцом, не любящим мать и живущим с ней по привычке. И уж точно ему не хуже без отца по сравнению с тем, что его, ребенка, могло просто не быть.

– Ну, это крайности...

– Вся жизнь состоит из крайностей, Елизавета. Вся жизнь. Если бы в ней была золотая середина, то, боюсь, это уже был бы рай. – Он бросил взгляд на фотографию в рамке, стоящую перед ним на столе. – Не нужно бояться дарить жизнь новым людям. Это самый лучший подарок! Все остальное – детали, которые можно уладить. Это мое мнение!

Макс слушал их разговор с интересом. Еле заметная улыбка не исчезала с его губ. Дождавшись окончания легкого спора, он обратился к Полю:

– Как Жаклин?

– О, Жаклин каждый раз заставляет меня усомниться в собственной сексуальной ориентации! Иногда мне кажется, что она мужчина. Не могу привыкнуть к тому, что за столько лет женщина с присущим ей женским мышлением не выносит мне мозг! Эта красотка умудряется жить жизнью детей, моей жизнью и находить при этом время на себя – уникальная...

Лиза тем временем отрешенно уткнулась в телефон, показывая, что эта тема разговора ей совершенно неинтересна. Поль бросил беглый взгляд на девушку и еле заметно подмигнул Макс. Тот столь же спокойно кивнул, не отводя глаз от Женотье. Несколько минут мужчины развивали извечную тему борьбы полов, но затем все-таки вернулись в рабочее русло.

– Елизавета, – обратился Поль к девушке. – Когда у нас съемки следующей серии «Призраков»?

– Точной даты пока нет, но планирую на следующей неделе. Четверг, пятница...

– Это у нас будет... – мужчина открыл календарь в смартфоне. – Это у нас будет двадцать девятое или тридцатое марта.

– Ну, приблизительно в эти даты.

– Сколько человек в группе?

– Сейчас прикинем. Так как локейшн несложный, то, думаю, пять-шесть камер ночного видения и одной репортажной для интервьюшек хватит за глаза. Со всем этим один оператор справится легко. Возьмем свет, пару петличек и «журавль» – достаточно одного звукорежиссера. Ну, и мы с Максом! – Лиза улыбнулась, слегка прикусив нижнюю губу, и мужчины тут же обратили на это внимание. Теперь в игру вступила она, давая понять, что может быть не только ведомой в общении с ними.

– Сколько километров от Москвы до этого места?

Лиза пожала плечами:

– До деревни около ста километров и через лес еще километров пять.

– Пешком? – Поль удивленно вытаращил глаза.

– Нет, там спокойно проезжает машина. Я отправляла туда локейшн-менеджера, и он подъехал прямо к заброшенному дому. – Лиза включила телефон и, найдя фотографии местности, протянула аппарат шефу. – Местный егерь предупрежден и поможет нам найти дорогу. Его мобильный у меня, договорились связаться за день до выезда.

Поль внимательно посмотрел на девушку и улыбнулся:

– Вы, наверное, профессионал, Елизавета?

– Наверное, коллега.

Женотье неторопливо изучил фотографии и передал телефон Макс:

– Что скажешь?

– «Дом, милый дом...» Мне кажется, так живет половина России, особенно если выехать за МКАД.

– Ладно тебе! – возразила Лиза. – Дело не в типичности, а в энергетике. Дом заброшенный и достаточно большой, а вокруг лес, болото и куча сплетен. Именно то, что нам нужно!

– Я и говорю, – не отставал Макс. – Обычная российская глубинка: болото, дикие заросли и куча пьяниц...

– Надо же, я француз, но, похоже, люблю эту страну больше, чем ты! – засмеялся Поль.

– Россию я люблю, но то, насколько она загажена, мне совершенно несимпатично.

– Ты не был в пригороде Парижа. Там можно увидеть такое свинство и такую разруху, что Москве и не снились.

– Это понятно, Нью-Йорк еще хуже, но я-то живу не там, а здесь. Меня это больше беспокоит.

– Господа, – вклинилась Лиза, – может, все-таки о работе поговорим?

– Как скажешь, босс. – Женотье еле заметно кивнул.

– План съемок предельно прост: сначала заезжаем в деревню и берем несколько интервью у местных жителей. Затем расставляем камеры по периметру дома и ждем чуда. Очень надеюсь, что снимем что-нибудь интересное, но в любом случае жути нагоним.

– Нагоним, – согласился Макс.

– Там точно нет поблизости ни кладбища, ни заброшенной больницы? – поинтересовался Поль.

– Нет, только этот дом.

– А что за дом вообще?

– Это небольшой особняк, построенный в тысяча девятьсот третьем году. В разное время в нем жили разные семьи, но никаких известных фамилий с ним не связано. В Интернете нет особых подробностей, но, надеюсь, узнаем хоть что-нибудь интересное у соседей. Последние лет десять там никто вроде не живет. Раньше его арендовал один художник. Я пыталась с ним связаться, но он умер пару лет назад. В общем, это неименитый особняк, пугающий деревенских жителей, возможно, лишь своей заброшенностью. Каких-то конкретных фактов пока нет.

– Ладно, посмотрим, что получится на выходе.

– Поль, – она с укором посмотрела на шефа, – вы сомневаетесь во мне?

Он уверенно покачал головой из стороны в сторону.

Максим, наблюдавший все это время за коллегами, не скрывал, что ему становится скучновато. Он оглядывался, смотрел в свой телефон и периодически зевал. Дождавшись, когда обсуждение дома сошло на нет, он отвлекся от SMS-переписки и обратился к боссу:

– Поль, а что это за новая концепция программы, о которой ты хотел поговорить сегодня?

Столь резкая смена темы заставила Лизу замолчать. Поль взглянул на Макса, явно не торопясь с ответом. Кабинет погрузился в тишину, в которой каждый вдруг почувствовал себя неловко. Женотье медленно встал с кресла и подошел к стеллажу со статуэтками. Осмотрев трофеи, он поправил впереди стоящие фигурки и сделал несколько шагов в сторону. Дойдя до противоположной стены, Поль развернулся и посмотрел на стеллаж:

– Так лучше, – резюмировал он.

Максим, терявшийся в догадках, для чего было нужно совещание, окончательно запутался. Его насторожило это неуместное проявление педантичности и отсутствие ответа на элементарный вопрос.

– Макс, – Поль вернулся к креслу, – тема сегодняшнего совещания заключается в следующем: программа сыплется. Доля нескольких последних выпусков показала, что проект порядком приелся, во всяком случае, в том виде, в котором он выходит сейчас. Мы хотим рискнуть и внести кое-какие изменения в концепт программы. Да, для канала это будет стоить дороже, но я готов вложиться, чтобы спасти «Поиски призраков». Просто, если и дальше будут фигурировать такие же цифры, я больше не смогу тащить убыточный проект в прайм-тайм. Мне придется перетаскивать его в ночь. Ты, безусловно, понимаешь, что, передвигая программу по сетке, мы даем понять всем, что рейтинг рухнул. А если уж и дальше так дело пойдет, то правильнее будет вообще прекратить выпуск передачи и оставить хорошие воспоминания о нашем общем детище. Уходить надо не тогда, когда ты уже не нужен, а когда в тебе еще осталась необходимость.

Максим молчал. Поль взглянул на Лизу:

– Ты показывала Максиму идею с кладбищем автомобилей?

– Еще нет.

– Пришли на почту, пусть глянет.

– О'кей.

Максим зевнул еще раз, только теперь это выглядело немного нарочито:

– Так что за концепция?

– Ну, во-первых, полностью постановочная история. К сожалению, документальные сюжеты уже пережеваны по сто раз. Во-вторых, все истории будут сняты камерами наблюдения, а не телевизионными камерами. Мы будем не участниками истории, а сторонними наблюдателями и комментаторами. Ну, и в третьих, думаю, что тебе будет нужна соведущая.

Макс устало улыбнулся:

– Один уже не справляюсь?

– Максик, дело не в этом, – вмешалась Лиза. – Просто привлечем больше мужчин к экранам.

Поль кивнул:

– Здесь есть и положительные стороны: работы в два раза меньше, и не нужно выезжать на всякие сомнительные объекты. Приедешь, отпишешь все в студии – и свободен, как ветер.

Максим продолжал улыбаться, глядя на шефа:

– Да, плюсы налицо...

– Ты почитай историю про автомобильное кладбище, может получится очень неплохой сюжет. Мы планируем задействовать супервайзеров визуальных эффектов и сделать все максимально правдоподобно. Если получится так, как я это вижу, то мы всех порвем! Такого никто не делает! Истории про особняки и призраков – прекрасно, но тут мы дадим людям увидеть, именно увидеть «документальный» ужастик. Это не может не впечатлить!

Лиза пожалала плечами:

– Сначала все равно нужно отснять сюжет с домом в лесу. Но если новая концепция тебе нравится, то сразу после съемок приступаем к подготовке. – Она улыбнулась и положила свою ладонь на его кисть. – Это будет новая история. Ночь, зима, камеры наблюдения и кровь – будет страшно.

Макс слушал ее невнимательно: его одолевали смешанные чувства. С одной стороны, он понимал, что программу действительно надо спасать и все это делается для общего блага. С другой стороны, возможность перехода на другой канал еще ярче замаячила на горизонте.

«Может, именно теперь настало время расставить точки над «i» и попрощаться друг с другом? Разве закрытие проекта – не лучший повод уйти? Разве не этого ты хотел? – думал он. – Давай, сейчас самое время! Завтра будет поздно. Если канал начнет работу над новым проектом, то ты еще долго не сможешь спрыгнуть. Можно им сказать, что не желаешь менять формат, сказать спасибо и уйти со спокойной совестью. Не ты начал перемены, но именно ты имеешь полное право не принять их. Это надо делать прямо сейчас!»

Глазами он сверлил стену. Мысли хаотично сталкивались, натыкались друг на друга и мешали сформулировать хотя бы одну внятную фразу. Сквозь ментальный шум Макс слышал приглушенный голос Лизы, все еще убеждавшую его в правильности нового пути, но не это было актуально сейчас. Как раз в правильности идеи он и не сомневался.

– ...Так что мы заставим их визжать от восторга! – этими словами она закончила свой монолог и уставилась на Максима в ожидании ответа.

Поль, не сводивший глаз с Макса, не произнес ни слова. Он наблюдал за ним, как хищник, запертый в клетке, осознающий как свою мощь, так и собственное бессилие. В его взгляде не было ни агрессии, ни разочарования, – лишь полное понимание.

Молодой человек поднял глаза на слегка растерянную девушку.

– Ну что, попробуем? – Она улыбнулась.

Он вытер лицо ладонью, зажмурился и крепко сжал пальцами переносицу:

– Лизок, – негромко произнес он, – я не знаю, правда, не знаю. Мы сейчас потратим кучу сил и времени на смену формата, а получится или нет – не предскажет никто. Надо понять, насколько цель оправдывает средства. Мы не имеем права отступить, иначе весь успех предыдущих «Поисков призраков» окажется случайностью. Понимаешь?

Улыбка не сходила с ее лица.

– Понимаю, конечно. Все мы заинтересованы в том, чтобы сделать этот проект еще интереснее.

– Да, но...

– Естественно, никто не даст никаких гарантий. Никто не может знать наверняка, выстрелит или нет, но нужно пробовать, рисковать.

– Хм, если мы провалимся, то ты как продюсер просто создашь новый проект, и вряд ли кто-нибудь упрекнет тебя в неудаче, кроме горстки завистливых коллег. А вот мое фиаско запомнят многие и надолго. Журналисты, коллеги, зрители – все только и ждут, когда можно будет посмеяться над очередной облажавшейся «звездой».

Лиза не переставала улыбаться:

– Максик, почему ты допускаешь только то, что мы облагаемся?

– Нет, я допускаю и успех нового сезона, но это слишком призрачная перспектива. Я уже взрослый мальчик и прекрасно понимаю, что если это не сработает, то мы вынуждены будем сдаться. Ведущий, чье шоу наскучило, а новая концепция провалилась, обречен на недоверие со стороны продюсеров и зрителей.

Улыбка девушки постепенно сошла на нет. Она посмотрела на Поля, и в ее взгляде была просьба о помощи. Лиза не могла найти нужных слов для того, чтобы убедить Макса в правильности их решения. Взгляд Женотье, наоборот, был слишком спокойным. Он, как человек более мудрый, прекрасно понимал, что возможность переубедить человека часто зависит не от правильных аргументов, а от желания человека быть убежденным.

В кабинете звенела пауза. Три человека, сидящие за одним столом, но теперь уже по разные стороны баррикад, хранили молчание. Каждому из них было что сказать, но никто не торопился нарушить тишину. Лиза не отрываясь смотрела на Поля, который наблюдал за Максимом, разглядывающим стену напротив.

Первым заговорил Поль Григье де Женотье:

– Макс, я понимаю, что ты уже давно все решил. Я знал, что рано или поздно это произойдет. Если ты считаешь, что так будет лучше, то мы не вправе тебе мешать.

Побледневший Максим смотрел в одну точку.

– В вашей стране я научился двум вещам, – продолжал Поль. – Первое: никогда не воспринимать всерьез никакие контракты, поскольку всегда найдется какой-нибудь закон, позволяющий не работать нужному тебе пункту. И второе: прощать ближнего своего. Даже не потому, что так написано в Библии, а потому, что это менее хлопотно. – Поль выдержал паузу. – Конечно, я мог бы сейчас апеллировать к тому, что именно мы сделали из тебя звезду федерального масштаба, но мне достаточно того, что ты и сам это знаешь. Я не хочу перечеркивать годы плодотворной работы одним неудачным разговором, которым, в любом случае, уже ничего не изменить. Так что закроем последнюю неделю финальной программой, и все, ты свободен как птица! Я расторгну наш контракт без каких-либо претензий к тебе.

Максим перевел взгляд на Поля:

– Неужели я настолько не нужен каналу, что ты даже не будешь бороться?

Женотье слегка прищурился. Он рассматривал собеседника, словно пытаясь найти особый смысл в этих словах. На секунду ему показалось, что желание Максима уйти было простой попыткой поднять себе цену или проверить ее. Но, видя в его глазах усталость и отсутствие вдохновения, Поль окончательно убедился в том, что это был не блеф и не кокетство. Макс не хотел больше здесь работать, и его решение было окончательным. Поль опустил крышку ноутбука.

– Бороться за что? За правду? – он усмехнулся. – Не бывает одной правды, как и не бывает двух победителей. Я не смогу изменить твою правду, а в свою я и так верю. Тогда зачем мне бороться, если бессмысленно побеждать? К тому же я привык бороться с врагами, которые мне не нужны, а не с друзьями, которым не нужен я.

Эти слова были сказаны твердо. В интонации не было агрессии, но уверенность, которая исходила от Поля, давала понять, что разговор окончен. Молодые люди встали из-за стола и попрощались с шефом. Он с улыбкой ответил тем же и привстал, пожимая руку Максиму. Без лишних слов они вышли из кабинета.

«Друг познается в беде».

Возможно, но пока в нашей жизни правят обстоятельства, бескомпромиссность делает вас еще более худшим другом, чем тот, кто не смог вам вовремя помочь.

Один

Поздним вечером старенький черный байк с грохотом подъехал к серой девятиэтажке и остановился у первого подъезда. Мотоциклист заглушил мотор и опустил подножку. Спрыгнув с сиденья, он выпрямился и поочередно размял плечи. Он явно устал в дороге. Сняв шлем, молодой человек сделал несколько круговых движений головой, и, хрустнув шейными позвонками, присел на корточки. Противоугонные цепи с замками на колесах он всегда считал глупостью, но все же изо дня в день продолжал пристегивать своего «коня» – скорее ради личного спокойствия.

Мужчина зашел в подъезд; через полминуты двери лифта обнажили перед ним грязные исписанные стены и загаженный пол, усеянный бычками. Он вошел и нажал кнопку с цифрой 8. Скрипя и дергаясь, двери закрылись, и лифт рывками пополз наверх.

На лестничной площадке было темно – соседи снова выкрутили лампочку. Нашупав замочную скважину, молодой человек открыл входную дверь и щелкнул выключателем. Глаза не сразу привыкли к слепящему оранжевому свету и оглядели нехитрую обстановку прихожей: старую вешалку с одинокой потертой ветровкой, тумбочку, на которой лежали какие-то бумаги, ключи и монеты, стоптанные кроссовки, уткнувшиеся носами в плинтус...

Мужчина повесил шлем на крючок, снял казаки, косуху и поспешил на кухню за привычным ужином: лапша быстрого приготовления и черный хлеб, щедро политый сверху дешевым кетчупом. На десерт его ждала бутылка нефilterованного Heineken и сушеные анчоусы. Изю дня в день его трапеза оставалась неизменной: сытно, относительно вкусно и недорого.

Затем он усаживался перед телевизором и проводил остаток вечера за просмотром дешевых сериалов, которые шли один за другим по кабельным каналам. В такие моменты он был почти счастлив. Жизнь порой умело купитует людскую привередливость, приучая радоваться малому.

Его звали Роберт. Он был одинок, хмур и молчалив. Все его неполные тридцать семь лет Роба кидало по стране, словно перекасти-поле. Быть может, поэтому у него не было друзей – они попросту не успевали появляться в его жизни. Мужчина крепкого телосложения, он провел юность в подвалах с самодельными тренажерами и боксерскими грушами, заштопанными вдоль и поперек. Тогда для таких, как он, пацанов из подворотен выбор был невелик: спорт или наркотики. Роб выбрал первое и, несмотря ни на что, стал неплохим спортсменом. Потом армия, институт и чуть позже война, на которую он пошел вполне осознанно – контрактником. Ему было нечего терять...

Насмотревшись ужасов войны, он поседел уже в тридцать, а в тридцать пять облысел, и пепельная шевелюра больше не прикрывала грубый шрам после трепанации черепа. Сухие, но крупные черты его лица выдавали нордическое происхождение. Большие и невероятно грустные голубые глаза могли бы стать мощным оружием опытного Казановы, но Роб им не был. При невысоком росте – чуть выше ста семидесяти сантиметров – он обладал прекрасной атлетической фигурой. Широкие плечи, массивные ноги и крепкие руки делали его еще более коренастым, но пропорционально сложенным.

Роб существовал более чем скромно. Квартира досталась ему от отца, который в пьяном угаре успел написать завещание в пользу единственного сына. Незадолго до смерти в нем проснулось чувство вины, хотя за всю жизнь он ни разу не удосужился поглядеть отпрыска. Мальчик рос и познавал мир без какого-либо присутствия отца в его жизни. Встретив его двадцать семь лет спустя, Роб не нашел в его чертах ничего напоминающего тот образ отца, который запомнился ему в пять лет.

В детстве долгими ночами он представлял себе в красках их встречу, привнося в нее все новые краски. Иногда он хотел высказать отцу все, что о нем думает, и плюнуть в лицо за то,

что тот после смерти матери оставил его в детском доме. Но в глубине души он чувствовал, что встреча будет иной. На самом деле он мечтал увидеть отца, потому что любил его, любил, пусть и предавшего, пусть и заново им придуманного, но все же родителя. Роб был почти уверен, что расплатится, как дитя. Пройдя сложный путь, насмотревшись смерти, он боялся не выдержать взгляда человека, встречи с которым ждал всю свою жизнь.

Одиночество сделало Роба неулыбчивым. Он научился смеяться даже в редкие моменты радости. Постепенно проявление любой эмоции, будь то восторг или агрессия, свелось к нулю. Он стал незаметным для всех, хотя был очень неглупым человеком. Этот мужчина был достоин уважения уже за то, что не поддался жизненным перипетиям и не сломался, получил высшее образование и стал специалистом в своем деле. Его вдохновлял сам факт, что все, чему он учился, теперь приносит ему какие-то деньги. Конечно, он мог бы зарабатывать намного больше, приторговывая чем-нибудь незаконным, но его стремление выбраться из клоаки прошлой жизни было слишком велико.

«Вечно сжатые скулы, взгляд, направленный вниз, вычищенный до блеска мотоцикл и скупой кивок в виде согласия, приветствия и прощания. Тихий парень, который всегда четко делает свою работу». Пожалуй, это все, что знали о нем коллеги.

Жизнь учит и калечит одновременно. Вопрос лишь в том, насколько быстро ты усвоишь очередной урок, чтобы не так сильно пострадать в дальнейшем. Беги, но оглядывайся по сторонам, запоминай, ибо это и есть твоя жизнь. Наслаждайся, но беги. Беги и помни, что у каждого свой финиш, и он не там, куда ты бежишь, а там, где ты остановишься.

Право на выбор

Шум, гам, суэта и звонки мобильных телефонов – именно так звучит офисная жизнь. Но при всем этом разнообразии дни там текут удивительно монотонно. Вечный страх людей потерять работу то и дело сменяется острым желанием послать все куда подальше. Кто-то решается на это, уничтожая и без того призрачную надежду на карьерный рост, а кто-то терпит, лелея синицу в руках до конца своих дней, не видя даже очертания пролетающего по небу журавля.

Лиза готова была взвыть, если безвылазно проводила в офисе больше недели. Единственное, что ее удерживало, это понимание того, что никто другой не сможет столь верно выстроить рабочий процесс – с первого съемочного дня до финального монтажа программы. Никому ничего нельзя было доверить. Поль часто говорил ей:

– Людей можно научить выполнять задания вовремя, но их невозможно заставить любить то, что они делают. Поэтому у продюсера должно быть столько души и энергии, чтобы спокойно вкладываться в проект не только за себя, но и за остальных.

Лиза стремилась быть именно таким продюсером. Все, что она делала, получалось ярким, честным и очень живым. Хотя, к сожалению, честности не всегда достаточно для успеха. Люди всегда жаждали крови, и сегодня мало что изменилось. Интеллигентность телевизионного мастерства постепенно сходит на нет, все чаще уступая нелепым попыткам шокировать толпу. Увы, это делается не для отрезвления человечества, а чтобы заработать побольше денег на его мимолетном внимании.

Проект «В поисках призраков» был сделан не в модных тенденциях. Режиссеры и продюсеры программы читали традиции старой школы: саспенс Альфреда Хичкока, правила Стивена Кинга. ... Возможно, поэтому их детище сейчас стремительно теряет зрителей. Лизе было больно и обидно до слез. После того разговора в кабинете она не могла прийти в себя, по очереди обвиняя всех участников, включая себя.

«Неужели нельзя было договориться? – спрашивала она, опустошенно глядя в пустоту. – Неужели людям, ставшим близкими за эти годы, нельзя было найти что-то общее, сдерживающее, вдохновляющее?»

Так прошло несколько дней. Ее порыв «все вернуть на круги своя» постепенно растворился, предоставив новому дню быть таким, каким он должен быть. Уверенности это не прибавляло, но засыпать с такой мыслью было куда легче.

Как всегда с утра, Лиза сидела на своем месте и работала, уткнувшись в монитор. Подготовка к съемочному дню – дело непростое, хотя последняя программа, к съемкам которой Лиза сейчас готовилась, не требовала колоссальных затрат. Съемочная группа из четырех человек – более чем скромно. Единственное, что требовало особенно тщательного подхода, это выбор людей, которые поедут с ней и Максом. Не с каждым коллегой комфортно провести несколько дней в замкнутом пространстве заброшенного дома на болоте.

Люди, работающие на телевидении, вообще отличаются особым нравом. Мало кто из них воспринимает эту работу как основную цель в жизни. Каждого режиссера, продюсера и оператора переполняют амбиции. Телевидение для них – малая форма, чаще всего лишь ступенька к большому кино, о котором грезит каждый молодой телевизионщик.

Градация телепрофессионалов примерно такова: первые – это те, у кого действительно получилось стать востребованными; далее те, кто превратился в механических кукол, сонно ковыряющихся в носу – и не всегда в своем; замыкают круг никому не известные корифеи старой школы, на которых и держится телевидение. Объединяют их гигантские «тараканы» в голове. Оно и понятно: сложная творческая работа, которой суждено пропасть в неизвестности, ведь о ней узнают лишь те, кто вовремя не найдет пульт от телевизора. К этой данности Лиза

относилась с должным уважением. Она не пыталась изменить людей и просто более тщательно подбирала команду для тех или иных съемок, решая возможные проблемы до их появления. Вот и сейчас она сидела перед компьютером, обдумывая кандидатуры оператора и звукоинженера. Резкая трель рабочего телефона заставила ее вздрогнуть.

- Елизавета, добрый день. – Это был Поль.
- Добрый.
- Как настроение?
- Рабочее.
- И немногословное, – подытожил он.
- Ну, есть немного... Что-то случилось?
- Хотел уточнить у тебя по поводу людей для съемок.

Лиза невольно улыбнулась:

- Вы не поверите, но я именно этим сейчас и занимаюсь.
- Мы просто родственные души, ни дать ни взять.
- Да уж, ни дать ни взять, – повторила она.
- Ну, так кто с вами поедет?
- А вы всех знаете по имени?
- Увы, да, – вздохнул Женотье.
- Странный вопрос, я понимаю. Вы ведь даже офисных сантехников знаете поименно...
- Что значит «даже»? Пара дней с неработающей канализацией – и они станут самыми желанными людьми в вашей жизни!

Несмотря склонность к сарказму, Поль искренне считал всех своих сотрудников необходимыми: «Если есть ненужные люди, то зачем держать их рядом? Если же ты остаешься с ними, как они могут быть ненужными? Работа занимает большую часть нашей жизни, поэтому вокруг должны быть только необходимые люди, достойные уважения и того, чтобы знать их по именам. Должность, как и профессия, не имеют тут никакого значения».

Лиза выслушала шефа и продолжила:

– Все думаю, с кем будет комфортнее на выезде. Из операторов самый стабильный – Роб, как мне кажется: немногословный, профессиональный, опытный и, плюс ко всему, физически крепкий. Мало ли какие там местные охламоны болтаются, алкашни столько, что... – Она села поудобнее, откинувшись на сетчатую спинку кресла на колесиках. – По звуачу еще не решила, может...

- Вот тут секундочку, – перебил ее Поль. – Только ты не возмущайся сразу...
- Поль, только не это! – ее лицо резко вытянулось. – Только не этого говнюка!
- Елизавета, королева моей души, меня слезно, насколько они на это способны, попросили его задействовать. Я не могу отказать, тем более что неизвестно, продолжим ли мы снимать «Поиски» после ухода Макса.

– Я все понимаю, но с ним невозможно работать! В последний раз из-за него нам пришлось дублировать всю передачу! Был такой брак по звуку, что мы озвучивали программу, как какое-то кино!

- Поговорю с ним. Лиза, нам придется его взять.
- Поль, я против.
- Я не могу переть против учредителей. В том, что он племянник председателя совета директоров, нет моей вины.

Лиза сжала пальцами переносицу:

– Они хотят качественный продукт или отвлечь от безделья своих родственников? Давайте тогда позовем всех бабушек, дедушек, тещ, шуринов! Пусть сами снимают и монтируют, что уж тут мелочиться на какой-то звук? – она не скрывала агрессии в тоне.

– Елизавета, я все понимаю, но, увы, ничего не могу изменить в данном случае. Единственное, чем могу тебя порадовать: я договорился с ними, что если с его стороны будет хоть один неверный выпад, этот раз окажется последним. Если он подведет нас, то больше не будет работать на канале, это я тебе обещаю. Договорились?

– Можете считать, что он нас уже подвел, подставил, накосячил, испортил всем настроение и запорол звук, – ответила Лиза.

– Елизавета, я люблю вас как профессионала своего дела, – Женотье перешел на сухой официальный тон. – Но мне кажется, что уговоры затянулись. Я все еще генеральный продюсер канала и могу себе позволить не тратить столько времени на убеждения.

Он был прав, и жесткие слова означали финал разговора.

– Вы не оставляете мне выбора, – негромко резюмировала Лиза.

– Это не я.

– Хорошо, но если этот недоношенный Слим заперет всю программу, а он это обязательно сделает, то я не отвечаю за результат.

– Елизавета, ваш талант вытянет сотни таких, как он.

– Количество моего таланта ничтожно в сравнении с его бездарностью.

– Принято.

– Ок, Слим так Слим.

– Ты умница! Спасибо.

Она положила трубку и шумно выдохнула.

Дурные новости. Ничто не может их отменить, даже если перестать общаться со всем миром. Поздно или рано обязательно найдется то, что испортит настроение и выбьет из колеи, в которую порой очень не просто втиснуться снова. В результате остается лишь философия, которая нужна, равно как возможность познать истину или запудрить мозг себе и другим, дабы не вникать в эту самую истину. Без философии никуда.

«Не можешь изменить обстоятельства – измени свое отношение к ним» – типичный тому пример. Так проще жить. Да и в целях самовоспитания очень действенная штука. В конце концов, все в нашей голове.

Лиза, как женщина с сильным характером, не выносила фиаско. Ей было трудно принимать то, что противоречило ее убеждениям. Навязанный звукоинженер никак не давал ей спокойно работать. Лизу раздражало то, что этот чертов Слим уверен в своей неприкосновенности, и ни она, ни Поль ничего не могут изменить. Главное – что все это не имело никакого отношения к тому, к чему она стремилась все эти годы: делать продукт, за который не будет стыдно. Девушка пыталась найти в ситуации хоть какие-то плюсы, но тщетно. Закрытие программы, полная неуверенность в завтрашнем дне, отсутствие альтернативного проекта, потеря Макса, да еще и отсутствие какого-либо авторитета в глазах боссов – все это убивало ее вдохновение.

Люди, пятающиеся назад, опасны не тем, что могут потащить вас за собой, а тем, что на их фоне вам будет казаться, будто вы двигаетесь вперед, даже если вы стоите на месте.

Глава 2. Дорога

В семье не без урода

Погожим весенним утром в пустой офис телекомпании NeTV съехались участники запланированных съемок – Лиза, Макс и Роб. Слим опаздывал.

Попивая кофе, Лиза в очередной раз позвонила лесничему, который должен был ждать их на въезде в деревню, и напомнила, что ближе к обеду они будут на месте. Тот вновь подтвердил свое присутствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.